

Об использовании рефлекса местоимения *ъ
в функции определенного артикля
в древяно-полабском

АДАМ ЕВГЕНЬЕВИЧ СУПРУН

Минск

In Dravaenopolabian reflexes of the pronoun *ъ sometimes were used as the function of the definite article. Parallels to such usage can be found in Serbo-Lusatian, Kashubian and Slovenian. 15 examples of pronouns of this kind are presented in Dravaenopolabian texts. The German influence is the most probable cause of their usage, although the role of Slavic and European factors can not to be excluded. The obligatory and regularity of usage of the articles in Dravaenopolabian were not formed. Thus the articles were not still grammaticalized.

Весьма ограниченное количество и объем дошедших до нас записей древяно-полабских текстов и их фрагментов имеет довольно разнообразную историю письменной фиксации. Это и записи спонтанного говорения на древяно-полабском (диалоги Йоганна Парум-Шульце), это и воспроизведение традиционного текста свадебной песни, это и воспроизведение или непосредственная фиксация трех переводов *Господней молитвы* (вероятно, близки к такому характеру производства и четыре “молитвы” в письме Георга Фридриха Митхофа Шрадеру), это и отдельные словосочетания-иллюстрации разного происхождения в словаре Христиана Хеннига и в других словарных записях, а также некоторые фрагменты текстов иного характера [Супрун 1978]. При наличии определенных различий в характере порождения древяно-полабских текстов необходимо отметить их общие свойства в этом аспекте. Все записи полабских текстов производились лицами, владевшими немецким языком. Для пастора Хеннига, составившего наиболее полный древяно-полабский словарь, к которому были приложены упомянутая свадебная песня, а также один из вариантов *Господней молитвы*, и для люховского амтмана Митхофа, сообщавшего в письме 17 (27) мая 1691 г. мужу сестры и покровителю — люнебургскому советнику Хилиану Шрадеру по

просьбе Г.Е. Лейбница тексты нескольких молитв (в том числе и одного из вариантов *Отче наш*), и для двух писцов, которые переписывали это письмо, и для нескольких других лиц, записывавших или переписывавших древяно-полабские тексты, немецкий был родным и основным языком. Был он главным и для составителя французско-полабского словарика Йоганна Пфедффингера. Шульце, единственный известный нам грамотный полабянин, вел свой бесхитростный мужицкий хронограф по-немецки. Если он мог более или менее хорошо контролировать свои древяно-полабские записи как носитель языка, то об остальных фиксаторах древяно-полабских текстов сказать этого вполне уверенно нельзя. Можно предполагать, что пастор Хенниг за многие годы жизни среди древян при наличии интереса к их речи, в известной мере овладел языком окружавших его прихожан. Но в других записях (например, в словарики Пфедффингера) попадаются такие семантические ошибки, которые могут быть объяснены только полным отсутствием языковой компетенции у тех, кто записывал, и происходящими вследствие этого семантическими недоразумениями между информантами и исполнителями записей. Не было разработано единой древяно-полабской транскрипции, вследствие чего отдельные звуки проводились непоследовательно, а использование немецкой графики и орфографии вело к постоянному, осознанному и неосознанному воздействию немецкого языка. Тем не менее, Н.С. Трубецкой вслед за Августом Шлейхером, Паулем Ростом и другими своими предшественниками сумел извлечь как непосредственно из написаний, так и из беглых замечаний записывавших максимум информации о том, какие звуки отражались в тех или иных записях (ср. замечание Трубецкого о написании *oa* в *Вендских вокабулах* для г-на де Бокёра [1929, 49]).

Немецкий язык наряду с древяно-полабским являлся языковым орудием в процессе создания и письменной фиксации древяно-полабских текстов. При этом вполне вероятно, что древяно-полабский язык информантов был неизвестен или мало известен тем, кто непосредственно осуществлял запись текстов (кроме Шульце, который тоже едва ли был образцовым носителем языка, находившегося уже в процессе забывания многими его носителями). Таким образом, в процессе производства (порождения) древяно-полабских текстов одновременно или последовательно функционировали два языковых механизма, что время от времени приводило к возникновению интерференции, наблюдаемой в текстах. Можно ожидать, что случаи совмещения действия двух языковых механизмов будут особенно

характерны для узлов интерференции. Одним из таких узлов является артикль, присущий немецкому языку и не характерный славянским языковым системам. Проследим соответствия немецким артиклям в древяно-полабских частях сохранившихся письменных памятников, тем более, что древяно-полабские тексты — билингвы; либо приводится немецкий перевод древяно-полабской части, либо немецкий текст является оригиналом древяно-полабского перевода.

Как и в некоторых других славянских языках, тесно соприкасавшихся в процессе функционирования с немецким, в древяно-полабском встречались некоторые регулярные замены немецким артиклям. Проследим, как это происходило в древяно-полабском¹.

В словаре и в малом автографе Хеннига, в рукописных словариках Ганноверской Нижнесаксонской земельной библиотеки — списке слов (десигнации) Анонима, словарных записях для г-на де Бокёра и *Вендских вокабулах* левая часть субстантивных словарных статей обычно не включает артиклей. Первая вокабула в записях для де Бокёра *Ein Mensch* и другая вокабула там же (на л. 4r) *Der Arß* являются исключениями и, кстати, артикли в них остаются без соответствия в правой части словарных статей. В собственно словарных записях Шульце большей частью артикль при существительных не используется, но в некоторых случаях (около двух десятков раз) артикль употреблен; словарь начинается без артикля: *Mensch*, но далее следует: *die Haare, das Höchste des Hauptes, Schorff auf dem Haupte, Störn...* Различий между левой и правой частями словарных статей при этом не наблюдается.

Отличие от названных источников, в словарице Копенгагенской рукописи (*Vocab. et phras. Vandal.*) и во французском вокабуляре Пфеффингера левая часть словарных статей в большинстве случаев включает определенный или неопределенный артикль: *Ein Tisch, Eine Gabel, Ein Buch, Der Finger, Die Hand, Das Bein; Un livre, Une heure, le diable, la Ciel, l'Ame, les rayons, L'Été*, ср. также *Du Vin, De la bierre*, наряду с безартиклевыми левыми частями словарных статей *Salat, Milch, Eyer, Ochsenzung, Regen, Stroh, Tuch; Dieux, Noßl,*

¹ Цитация в данной статье производится по изданиям Райнхольда Олеша: по трем томам источников или/и по четырехтомному тезаурусу [Olesch 1959-1987]. Древяно-полабские слова приводятся курсивом в транскрипции с тем, что неслоговое *i* передается как *j*, всегда неслоговой характер и после гласных, всегда велярный характер *l* после велярных согласных и всегда закрытый характер *o* не отмечаются; при необходимости древяно-полабские слова в оригинальных написаниях приводятся прямым шрифтом с подчеркиванием. Немецкие и французские слова из источников воспроизводятся курсивом по принятой практике в соответствии с написаниями источников.

Or, Diner, Souper. Надо сказать, что независимо от того, указан или не указан артикль и каков он в левой части, в правой (древяно-полабской) части словарных статей этих двух источников эквивалент артикля, как правило, не зафиксирован. В изданных в 1744 г. выписках Габриэля Домейера из архива некоего безымянного данненбергского проповедника (Prediger), где к приведенным им в алфавитном порядке древяно-полабским словам даны немецкие соответствия, древ.-пол. существительным соответствуют существительные с определенными артиклями. Не отмечено влияния, которое бы эти артикли оказали на древяно-полабские соответствия. Таким образом, использование субстантивов в немецкой (или французской) заглавной части словарных статей древяно-полабских словарей с артиклем или без артикля не отразилось на употреблении или оформлении в словарных статьях соответствующих древяно-полабских субстантивов.

Но артикли встречались не только в заглавиях словарных статей, но и в текстах и фрагментах текстов, приведенных в записях. Рассмотрим древяно-полабские тексты и фрагменты текстов, в немецких эквивалентах которых употреблены артикли.

В немецком тексте *Отче наш*, который приводится в собрании Хеннига, в последнем стихе молитвы (Мф 6.13) стоит: von allem Übel, чему в древяно-полабском соответствует: *vit visokäg xaudäg* (букв. “от всякого худого”), где, естественно, никакого напоминания об артикле нет. Но в немецких текстах *Отче наш*, служивших прототипами для двух других древяно-полабских текстов, артикль в этом месте, по-видимому, употреблялся так, как он используется и в современной распространенной немецкой версии в последнем стихе молитвы: *erlöse uns von dem Übel*. В тексте Митхофа здесь читаем: *vit tüg xaudäg* (Mithof) [1].

Можно заметить, что в предложении [1] употреблен по сути не субстантив, а тот же субстантивированный адъектив, что и в предложении из Хеннига, чем, возможно, и вызвана форма родительного падежа местоимения, совпадающая в падеже с местоимением, использованным у Хеннига.

В фрагменте [2] у Бухгольца предположительному немецкому определенному артиклю соответствует указательное местоимение *tq: vit tq xaudötě* (*witung skef deta*; Buchholz) [2].

Артикль в немецком соответствии действительно предположителен, так как первый публикатор этого текста Самуэль Бухгольц в своем “Опыте истории герцогства Мекленбург”, изданном в 1753 г., сопроводил записанный им в 1740 г. текст примерным переводом, в

котором приведенному фрагменту соответствовало выражение vom Boesep (Ubel), где *vom* выступало вместо *von dem*, т.е. артикля, строго говоря, не было. Более интересен вопрос о падеже существительного *šaudōtĕ* и, следовательно, местоимения-артикля *tq*. Хотя немецкий эквивалент выступает в дательном падеже, в древяно-полабском соответствии использован родительный падеж, как видно из примера [1]; только род здесь не средний или мужской как в [1], а женский. Как генитив единственного числа женского рода квалифицируют существительное из Бухгольца Казимеж Полянский и Джеймс Аллен Зенерт [Polański-Sehnert 1967, 71] и Олеш [Olesch 1984, 1004]. В праславянском форма местоимения *ŕь в род. ед. ж.р. была *toĵĕ / *toĵe. Могло бы быть предложено фонетическое объяснение через стяжение сочетания *oĵe в *o (о контракции в древяно-полабском вообще см.: [Marvan 1977]), но в западнославянских языках господствует вариант *toĵĕ [Vondrák 1928, 76], поэтому более вероятным представляется замена ожидаемой формы унифицируемой формой местоимения-артикля, используемой также в разных падежах.

Во второй молитве Митхофа в немецком тексте использован один определенный и один неопределенный артикли, соответствий которым в древяно-полабском тексте нет. В третьей молитве немецкому фрагменту текста соответствует древяно-полабский фрагмент [3], где на месте первого артикля употреблено то же *tq*, на этот раз совершенно точно передающее форму вин. ед. ж.р., а второй артикль древяно-полабского эквивалента не имеет:

*so soll Er den Krieg absteuern von der gantzen welt ~
tok tq kri(x) va gancĕn velĕtĕ afstōrĕl (Mithof) [3].*

Заметим, что в этом же предложении чуть раньше немецкое местоимение *daß* в значении 'это, что' переведено местоимением *tū* 'то, это' В четвертой молитве Митхофа три определенных артикля (*die Juden, die Kirche, alle daß leiden*) остались без древяно-полабских эквивалентов, а указательное местоимение *deren* переводится как *tū*.

В приведенном Хеннигом немецком переводе текста шуточной свадебной песни в каждом из 7 куплетов содержится три или четыре определенных и один-два неопределенных артикля (различие количества артиклей связано, возможно, с ритмикой; ср. в 1 куплете: *ich kan die Braut nicht seyn*, а во втором: *kan nicht Bräutigam seyn*). В древяно-полабском тексте песни, имеющем традиционный фольклорный характер, что не исключает возможности иноязычного его источника, никаких следов артиклеобразного употребления местоимений не наблюдается.

Хотя, как уже было отмечено, в словарной части записей Шульце большей частью артикль при существительных не используется, в записях диалогов встречается некоторое количество артиклеобразных употреблений местоимений в соответствии с артиклями в немецких эквивалентах. На такого рода использование местоимений-прилагательных в памятнике и в языке вообще указывала Янина Хейдзянка[-Пилятова]: “zaimek w roli rodzajnika” [Heydzianka 1927, 45], об этом же писал и Олеш [Olesch 1984, 1247]. В функции определенного артикля во всех 8 случаях, когда он имеет эквивалент в записях Шульце, употреблена словоформа *tq* (оригинальное написание tung). Это касается употребления артикля при именительном падеже существительного²:

der Hund bellt ~ tq pas böř 47v b (173r) [4],
der Kohl ist noch heiß ~ tq koloj ja 'ist teplü 48r b (174r) [5],
mich drückt der Hunger ~ mině dově tq glad 50r b (179r) [6],
was der Knecht macht ~ cig tq knecht t'oǰě 50r b (179r) [7].

Форма *koloj* [kohläu] из предложения [5] толкуется неоднозначно. Август Шлейхер [1871, 113] рассматривал ее как форму именительного падежа единственного числа, тип склонения на *ы*, транскрибируя в виде [koläi]. По П. Росту [1907, 68, 393], здесь представлена форма (в его транскрипции [koläu]) род. ед.; так же рассматривает ее Полянский [1962а, 17, 19–20, 35, 70; 1971, 266–267] и его соавтор Зенерт [Polański-Sehnert 1967, 80]. Этой же характеристики придерживается и Барбара Шидловска-Цеглева [1963, 52]. Совершенно ясно, что такая характеристика формы не выдерживает синтаксической критики: форма выступает явно в функции подлежащего при глаголе-сказуемом, и, следовательно, синтаксически должна квалифицироваться как номинатив (единственного числа). Иной формы синтаксис не позволяет. Именно поэтому, вероятно, Тадеуш Лер-Славинский определил ее как ном. sg. [1929, 254]. Олеш [1983, 445] видит здесь генитив в функции номинатива. Может быть, все же точнее было бы говорить в этом случае о номинативе; что же касается генитива, то генитивность уже не ощущалась, эта характеристика относится к этимологии, а не к живому языковому сознанию, которое в записи Шульце отражено в использовании формы в явной функции номинатива. В пользу тако-

² В ссылках после приводимых примеров указывается лист и столбец рукописи по изданию Олеша в *Fontes*, а в скобках — страница этого издания с указанием столбца.

го представления говорит и использование этой формы как перевода заглавной лексики *Kohl* в словарной статье у Хеннига. Какова этимология грамматического аспекта древяно-полабского *kolaj / kolau*: из родительного падежа единственного числа (вполне вероятно) или из какой-то другой формы (именительного единственного числа склонения на долгое -й-, как думал Шлейхер, т.е. по образцу *t̥ju-, *t̥erku и под., или именительного множественного числа?) — это иной вопрос.

При винительном употребляется та же форма артикля:

nun du von allen den Korb gekriegt hast ~
ninã toj vit visim tq'icer krijol 48r a (174 l) [8],
besiehe mir in das Loch ~ puzarẽ mẽ va tq darq 49r a (177l) [9].

Любопытно отметить, что в винительном падеже мужского и женского рода форма древ.-пол. "артикля" (*tq*) совпала.

Форма существительного в следующем предложении [10] вызывает сомнения. Только вне реального контекста, чисто формально можно рассматривать ее как номинатив [Olesch 1983, 423].

mein Vater und Mutter sind auch in den Gedanken ~
mij l'ol'ã un motaj jistã din va tq kl'aud.
 [или *klojd: wat tung klãud*] 48r a (173r) [10].

Шлейхер, Рост, Лер-Сплавинский не давали слову грамматической характеристики. Полянский в этимологическом словаре [1962, 261] при заглавном слове пометил s. nom. sg. m. Но очевидно, что именительный падеж не может быть с предлогом. Праславянская расшифровка в этимологическом словаре **jesta* (*din z niem.*) *vẽ t̥n̥z* могла бы объяснить винительный падеж, почему, вероятно, в словаре Полянского и Зенерта квалификация изменена на s. nom.-acc. sg. [1967, 79]. Но при нормальном управлении здесь скорее ожидался бы локатив: **vẽ tom̥ kl'audẽ* Формы локатива существительных на -ẽ см. у Лера-Сплавинского [1929, 163]; о возможности неотражения *ẽ* на письме также известно [Супрун 1987, 19]; древяно-полабский "артикль" из местоимения **tom̥* мог бы, как и **t̥n̥z*, отразиться в виде *tq*, однако очень уместно здесь напомнить наблюдение В.Н. Топорова, что "в ряде случаев, где ожидается лок[атив], стоят слова, в форме которых нельзя признать лок[атив] (возможно, здесь описки)" Приводя предложение [10], Топоров допускал в этом случае винительный падеж, подобный тому, который встречался в наречном выражении *vẽ n̥ic* 'bey der Nacht' (Hennig), 'des Nachtes' (Schultze) [1962, 199]. Во всяком случае здесь

целесообразно видеть не именительный, а местный или винительный падеж артиклеобразно употребленного местоимения. Что касается существительного *kl'aud*, то его славянское происхождение, быть может, станет менее сомнительным, если учесть наличие у чешского *klid* значения 'хладнокровная мысль' [ЭССЯ, 136], ср. также [ЭССЯ-10, 54–55].

Иногда *tü* и другие формы этого же местоимения, напр., *tq*, могут соответствовать немецкому *die*, *der* не в функции артикля, а в местоименной функции:

*die haben wir nicht ~ tü moj ne mom(ě) 48r a (173r),
in dieses Lande ist nicht Eine Dirne, die [der] du nicht gefragt ~
va sem l'odo ni ja jadan devkã, tq toj ni prosãl 48r a (174l),
wer da will hofiren, der gehet ~ katü ci sarãt, tq 'ajdë (175r).*

Употребление "артикля" в древяно-полабском отнюдь не было обязательным. Несколько раз в цитируемых записях немецкому определенному артиклю (*in der Kirche (174l); ich will nach (der) Stadt gehen (175l); denn die Frauen wollen (175l); der so schläfrig geht (176r); du hast einen großen Bart (175l); lege das Kind in die Wiege (179l)*) ничего не соответствует, т.е. артикль появился в немецком переводе по правилам немецкого языка, а не в соответствии с чем-то формально обозначенным в древяно-полабском тексте. Уже было отмечено, что в двух десятках случаев в левой (немецкой) части словарных записей Парум-Шульце вопреки общей тенденции субстантивы приводились с артиклями. В приведенных сейчас немецких примерах артикли употреблены не в составе грамматически свободных заглавий словарных статей, а в составе сочетаний слов, являющихся переводами древяно-полабских высказываний.

Как указывалось выше, в заглавных немецких частях словарных статей у Хеннига артикли не использовались. Однако в немецких эквивалентах текстовых иллюстраций, вынесенных Полянским и Зенертом в специальный раздел их словаря "Полабская фразеология", имеется несколько десятков немецких сочетаний слов с определенным артиклем. Из числа этих сочетаний в 46 случаях немецкому артиклю нет древяно-полабского эквивалента. В 5 случаях, сверенных по факсимильному изданию Олешом рукописи словаря Хеннига (страницы которого далее указываются), древяно-полабский эквивалент немецкому определенному артиклю имеется:

*das Bier taugt nicht ~ tü pajvo ně dogã (102) [11];
das Bier ist gut ~ tü pajvo ja dübrã (102) [12];*

die Frau hat guten Sog ~ to ženā mo dübrā mlakā (293) [13];
das Kalb ist sehr fett ~ tū tilq̄ j̄q̄ vilt' ě taucnā (152) [14];
Als die Zeit erfüllt ward ~ kak t̄q̄ pauně taid komoně (376) [15].

В качестве эквивалента немецкого артикля в этих примерах употреблены соответствующие формы местоимения *t̄q̄*, причем они согласованы в роде с субстантивом, употребленным везде в номинативе. Трижды местоимение согласовано с существительным среднего рода (примеры [11], [12], [14]), один раз — женского ([13]) и один раз — мужского ([15]). Это же местоимение встречается в фрагментах текста у Хеннига в местоименной функции для передачи немецкого *das* как местоимения:

Das ist lange vorbey ~ tū j̄q̄ dolĕk (daud'ü) majmü (347);
das ist wenig ~ tū j̄q̄ bacc'e (365).

Пример [11] фигурирует также у Пфэффингера как эквивалент фр. *La bierre ne vaut rien* (6r a). Как и у Хеннига, в местоименном употреблении *tū* встречается в нескольких словарных статьях словарика Пфэффингера: *tū jauz j̄ä do* 'Le dernier quartier' (38l), *tū j̄ä cauzĕ* 'Un etranger' (39r), *sod'ai tū j̄ä* 'Un sie' (42r), *tū ne dogā* 'Tu ne vaut rien' (47l). Из-за двойного характера перевода — французский представляет собой перевод с немецкого — в этих случаях трудно говорить о точных соответствиях древяно-полабскому местоимению в немецком, хотя не исключается, что здесь могло выступать немецкое *der, die* или *das* в местоименном значении.

Три раза в записях Шулце древяно-полабское *jadan*, выступающее и в составе числового ряда на месте числительного "один" [Супрун 1962], соответствует немецкому неопределенному артиклю *ein*:

in dieses Lande ist nicht Eine Dirne, die [der] du nicht gefragt ~ va sem l'odo ni j̄q̄ jadan devk̄ä, t̄q̄ toj ni prosāl 48r a (174l) [16],
da ist ein Stuhl ~ tad j̄q̄ jadan stojl 48r b (174 r) [17],
hier ist ein löffel ~ sem j̄q̄ jadan lazajc 48r b (174r) [18].

Бросается в глаза несоответствие рода артикля (числительно-роду субстантива в примерах [16] и [18]), что обычно объясняется глубоким кризисом древяно-полабского языка, началом его распада. Но нельзя не обратить внимания, что эти факты относятся именно к артиклеобразному употреблению соответствующих форм, причем в определенном артикле форма им. м. р. и вин. ж. р. совпадают (*t̄q̄*).

Артиклеобразное употребление рефлексов местоимения *t̥ известно не только древяно-полабскому языку. Оно довольно широко представлено и в памятниках серболужицких языков, что мож-

но проследить по антологии серболужицких текстов XVI–XVIII вв. Хайнца Шустер Шевца [1967], напр.:

Tón Knjz slyši moju prostwu; moje prošeni zmje *tón* Knjz hori (Покаянные псалмы Гр. Мартини 1627, [там же, 61]);

To je sapoczatk *teho* Evangeliuma wot Jesu Christusa *teho* Syna Božeho (Евангелие М. Френцеля, Мк 1.1; 1670, [там же, 120]);

Tón zpotzak *toho* zczéřia Yésusa Kréstusa, *toho* Séhna Bohžoho (Библия Светлика 1704, [там же, 257]).

В написанной на латинском языке одной из древнейших рукописных грамматик — грамматике Йоганнеса Хойнанеса (1650) [Schuster-Šewc 1967], даже склонение существительных дается с местоимением-артиклем (*ten Golub, togo Goluba...*).

Фридрих Лоренц писал, что в поморском (померанском) “указательные *tān* и *nān* употребляются также как определенные артикли” [1962, 1077]; в тексте ошибочно: *nieokrešlone*; основанием для исправления является текст кашубской грамматики [Lorentz 1919, 59].

Интересно использование “члена” *ta* (как он квалифицируется в составленном Йоже Топоришичем словоуказателе) в словенском языке: в Стишской рукописи XV столетия [Stiški gokopis, 39], в Катехизисе Трубара 1550 г. [Trubar 1970] и в ряде других источников. Адам Бохорич в свою словенскую грамматику на латинском языке (1584) включил раздел “De articulo” [Bohorizh 1987, 45–47], в чем Йоже Топоришич видел проявление самостоятельности Бохорича [1984, 193].

Заметим, что исследование артиклеобразного употребления местоимения — рефлекса **гъ* в разных славянских языках представляется актуальным. Трудно сомневаться в том, что это происходило под влиянием немецкого языка. Возможно, следует учитывать и общеевропейское влияние (если не вообще некую универсалию, особенно в плане использования числительного “один” как неопределенного артикля, которое присуще не только названным, но и другим славянским (и не только славянским) языкам. Но следует учесть и некоторые автохтонные факторы. Почему именно местоимение **гъ*, на базе которого развились болгарский и македонский постпозитивные артикли и аналогичные севернорусские явления, стало базой для недоразвившегося древяно-полабского, померанско-кашубского, серболужицкого, словенского артиклей? Не обнаруживаются ли следы такого артиклеобразного употребления и в других славянских языках?

В древяно-полабском языке местоимение *t̥ в функции артикля используется, пожалуй, реже, чем в серболужицких языках. Можно думать, что письменное происхождение текстов ведет к более высокой ступени подражания немецкому образцу, а, следовательно, и к более частому употреблению “артиклей” в серболужицких текстах по сравнению с древяно-полабскими. Вместе с тем, наличие сравнительно большого количества артиклеобразных употреблений у Шульце может подтверждать, что это употребление не представляет собой непосредственного отражения немецкого оригинала при переводе, что возможно имеет место, скажем, в переводах Священного писания, но отражает в той или иной мере усвоенное древяно-полабским языком явление. Можно, конечно, допустить, что определенную роль тут сыграло время, лет на 20–30 более позднее для записей Шульце, чем для записей Хеннига и других словарных записей, разный возраст и социальный статус информантов, нельзя исключить и лингвогеографический фактор (Зютен, где вел свои записи Шульце, находится в десятке километров от Вустрова, где записывал Хенниг), хотя едва ли он в данном случае очень существен.

Примеры древяно-полабского артиклеобразного употребления местоимения не выявляют некоторого стержневого значения или сколько-нибудь четких грамматических условий употребления артикля. Конечно, употреблений, дошедших до нас, мало, но мало их, между прочим, и потому, что еще не сформировалась присущая грамматическим явлениям обязательность употребления артикля. Именно поэтому древяно-полабский материал свидетельствует не о зарождении грамматической категории артикля в этом языке, а только об эпизодическом употреблении местоимений в функции, подобной артиклю. Нельзя исключить, что в дальнейшем в этом языке артикль получил бы дальнейшее развитие, но записи древяно-полабского языкового материала были сделаны в последние десятилетия его существования. Нет оснований сомневаться в точности записи в вустровской церковной метрике, что 3 октября 1756 году там умерла 88-летняя вдова, которая была “последней из тех, кто хорошо владел вендским (т.е. древяно-полабским — А.С.) языком” Естественно, на этом прервалось и использование указательных местоимений в артиклеобразной функции в древяно-полабском языке.

ИСТОЧНИКИ

- Хенниг — Hennig: Olesch 1959.
 Юглер — Jugler: Olesch 1962.
 Копенгагенский словарь — *Kopenhagener Handschrift Vocab. et phras. Vandal. (Kop.)*: Olesch 1967: 22–28.
 Митхоф — Mithof: Olesch 1967: 50–55.
 Пфэффнгер — Pfeffinger: Olesch 1967: 35–49.
 Шульце — Schultze: Olesch 1967: 166–183.
 Бухгольц — Buchholz: Olesch 1967: 95.
 Бокёр — Bausoeur: Olesch 1967: 78–87.

ЛИТЕРАТУРА

- Супрун, А.Е. 1962: *Полабские числительные*, Фрунзе.
 Супрун, А.Е. 1978: Типы речевой деятельности, зафиксированной в записях полабского текстового материала, *Slavia*, XLVII, 368–370.
 Супрун, А.Е. 1987: *Полабский язык*, Минск.
 Тупоров, В.Н. 1962: *Локатив в славянских языках*, Москва.
 ЭССЯ: О.Н. Трубачев (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 10, Москва, 1983.
 Bohorizh, A. 1987: *Arcticae horulae succistivae, Zimske urice proste*, Maribor.
 Heydzianka, J. 1927: *Szczątki składni potabskiej, Slavia Occidentalis*, VI, 26–69.
 Lehr-Splawiński, T. 1929: *Gramatyka Potabska*, Lwów (= *Lwowska biblioteka slawistyczna*, 8).
 Lorentz, F. 1919: *Kaschubische Grammatik*, Danzig.
 Lorentz, F. 1962: *Gramatyka Pomorska*, t. III, Wrocław–Warszawa–Kraków.
 Marvan, J. 1977: Kontraktion und Prosodie im Polabischen und ihr westslavischer Kontext, *Zeitschrift für slavische Philologie*, XXXIX, 373–383.
 Olesch, R. 1959: (Nachdruck besorgt von R. Olesch), *Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen*, Köln–Graz.
 Olesch, R. 1962: *Juglers lüneburgisch-wendisches Wörterbuch*, Köln–Graz (= *Slavistische Forschungen*, 1).
 Olesch, R. 1967: *Fontes linguae Dravaeno-Polabicae minores et Chronica Venedica J.H. Schvlitzii*, Köln–Graz (= *Slavistische Forschungen*, 7).
 Olesch, R.: *Thesaurus Linguae Dravaenopolabicae*, T. I–IV, Köln–Graz, 1983–1987 (= *Slavistische Forschungen*, 42(I–IV)).
 Polański, K. [z. 1: & T. Lehr-Splawiński]: *Słownik etymologiczny języka Drzewian Potabskich*, z. 1–6, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk [z. 5, 6: Warszawa], 1962, 1971, 1973, 1976, 1993, 1994.
 Polański, K. 1962a: *Morfologia zapożyczeń niemieckich w języku potabskim*, Wrocław–Warszawa–Kraków.

- Polański, K., Sehnert, J.A. 1967: *Polabian-English Dictionary*, The Hague-Paris-Mouton (= *Slavistic Printings and Reprintings*, LXI).
- RSJČ: *Příruční slovník jazyka českého*, díl II, Praha, 1937-1938.
- Rost, P. 1907: *Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen*, Leipzig-Hinrichs.
- Schleicher, A. 1871: *Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache*, St.-Petersburg.
- Schuster-Šewc, H. 1967: *Sorbische Sprachdenkmäler. 16.-18. Jahrhundert*, Bautzen.
- Stiški rokopis: Študie*, Ljubljana, 1992.
- Szydłowska-Cegłowa, B. 1963: Materialna kultura ludowa Drzewian Połabskich w świetle poszukiwań słownikowych, *Lud*, XLVIII, 19-256.
- Toporišič, J. 1984: Oblikoslovje v Bohoričevih Zimskih uricah, in *XX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture: Zbornik predavanj*. Ljubljana, 189-222.
- Trubar, P. 1970: *Catechismus /In der Wendischenn Sprach/*: Faksimile po izvodu 1550, Ljubljana.
- Trubetzkoy, N. 1929: *Polabische Studien*, Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse: Sitzungsberichte, 211, Bd. 4: Abhandlung, Wien-Leipzig.
- Vondrák, W. 1928: *Vergleichende slavische Grammatik*, Bd. 2, Göttingen.